

Максим НИКУЛИН:

У меня есть все, что нужно

15 ноября исполняется 50 лет Максиму Никулину. Для многих он, во-первых, сын знаменитого Юрия Никулина и, во-вторых, директор цирка Никулина на Цветном бульваре. Конечно, это все так, но и сам Максим Юрьевич - интересный и глубокий человек. В чем корреспондент нашей газеты убедился в очередной раз, побеседовав с ним накануне его юбилея.

- Максим, скажите, а как вы относитесь к своему юбилею? Что для вас 50 лет - итог, рубеж, подведение итогов?

- Не знаю, громких дат я жутко боюсь. Хотя в цирке создан комитет по празднованию моего юбилея и требуется составить списки гостей. У меня же единственное желание - убежать от всего этого куда-нибудь в Австралию. Не потому, что большая часть жизни позади, у каждого столько на роду написано, сколько написано. Просто свой юбилей я воспринимаю без какого-то особого пиетета, не считаю, что это точка отсчета, рубеж и мне пора писать мемуары или завещание. Главное, не терять чувства самоиронии и никогда не жалеть о том, что ты сделал. Ведь даже если я поступал неправильно, делал выводы и учился на своих ошибках.

- Возраст - цифра формальная и ничего не выражающая, важнее, на сколько лет сам человек себя ощущает. Вот вам по вашему внутреннему чувству сколько лет?

- Я ощущаю себя молодым. И в жизни мне постоянно открывается что-то новое. Например, несколько лет назад встал на горные лыжи, и мне этот вид спорта очень понравился, а затем я освоил и дайвинг. Конечно, не буду, как Андрей Макаревич, погружаться на чудовищные глубины, но мне этого и не надо. А года три назад, отдыхая во Франции, выучил французский язык, хотя и не собирался этого делать, но так уж вышло.

- Мстислав Запашный (главРосгосцирка) часто обвиняет вас в излишней расчетливости и деловитости. А чем для вас является цирк в большей степени - бизнесом или искусством?

- Для меня это прежде всего бизнес. Но я не бизнесмен, а управленец, менеджер. К тому же в отличие от многих других мы не делим в конце года дивиденды, не загоняем их в офшорные компании или ценные бумаги. Большую часть дохода мы инвестируем в развитие цирка: в костюмы, реквизит, новые номера, артистов, животных. Потому что, если этого не делать, через некоторое время нам будет нечего показывать. Сегодня выпуск новой программы, включая весь комплекс затрат по подготовке номеров, обходится в несколько сотен тысяч долларов. У меня, конечно, особое отношение к цирку. Я считаю, что это одно из немногих зрелищ, которые, несмотря на обилие видео-, теле- и аудионесителей информации, обязательно надо смотреть вживую. Даже театр теряет меньше, если его смотреть по телевизору или на видео, потому

что сцена проецируется на экран камеры. А все происходящее на манеже отразить на одной камере невозможно, но зато это единственное место, где, оторвав глаза от манежа, можно встретиться взглядом с человеком, который сидит напротив. И это дает ощущение причастности всех людей, которые сюда приходят. Тринадцать метров манежа - это круг, который всех объединяет.

- Но цирк, наверное, приносит вам неплохие доходы. Вы ощущаете себя богатым человеком?

- Скорее обеспеченным. Это все, конечно, относительно, и я себя причисляю к среднему классу. Меня это положение устраивает, у меня есть все, что нужно, а в том, чего нет, я скорее всего и не нуждаюсь. Например, наверное, я мог позволить себе, подкупив денег, купить небольшой самолет. Но не понятно, что с ним буду делать? Одно время я хотел купить яхту. Но не так давно один мой приятель купил яхту, и вот она стоит на водохранилище, он же от силы два раза в год до нее добирается. Трезво оценив ситуацию, я понял, что и яхта мне тоже не очень нужна, ведь в случае чего я всегда могу взять эту лодку на пару дней в аренду. А автомобиль, жилье, возможность пару раз в году съездить отдохнуть на солнышке или покататься на лыжах у меня есть.

- Лет десять назад вы сказали, что в цирке работают профессиональные идиоты: «Кому еще придет в голову калечиться полжизни, чтобы в 32 года стать пенсионером? Это люди, больные цирком». Как вам кажется, вы уже успели заслужить это высокое звание «профессионального идиота»?

- Нет, к себе бы я это не отнес. Хотя, естественно, присутствует определенного рода профидиотизм, как и у всех людей, чем-то увлеченных. Но моя увлеченность, она более расчетливая, что ли, я менеджер, а не артист. У меня нет такого огня, который жжет изнутри и заставляет выходить на манеж, рисковать собой и калечиться, моя работа скорее кабинетная. Но в цирке меня держит ощущение, что я здесь нужен. Вот если оно пропадет, то через пять минут я со своего поста уйду.

- Из чего это ощущение складывается?

- Моя работа заключается в том, чтобы принимать решения, уже подготовленные помощниками и подчиненными, тут нужны логика, рассудительность, интуиция. А вот это ощущение, оно же не конкретное и формируется из каких-то микроскопических нюансов, описать его практически невозможно, но оно есть.

- Этот вопрос, может быть, покажется вам заезженным, но не могу его не задать. Почему вы, будучи цирковым ребенком, не пошли по стопам отца и не стали артистом?

- Когда я окончил школу, в семье была тихая паника, потому что я вообще ничего не хотел, учиться я не любил и

тически вся жизнь. Очень тяжело было уходить с телевидения. Помню, когда только я начал работать в цирке, встретил кого-то из своих коллег, и тот сказал мне: как тебе удалось уйти из Останкина, ведь здесь такая наркота? Телеэфир, особенно прямой, чем-то напоминает наркотик. И уйти с такой работы - все равно что



ИТАР-ТАСС

больше всего увлекался игрой на гитаре в школьной рок-группе. И тогда один знакомый сказал: «А чего вы думаете? Пускай идет на журфак». Но не потому, что это был, как сейчас говорят, отстой, по тем временам там давали очень хорошее гуманитарное образование. Чтобы затем за пять лет учебы осмотреться и решить, чем дальше заниматься.

- Вы сейчас описали просто жизнь золотой молодежи: не учились, толком ничего не хотели, ни к чему не стремились.

- Я однозначно не был золотой молодежью, потому что я человек не тусовочный. Нежелание учиться в моем случае никак не является следствием лентяйства или скудоумия. Но школа тех времен главным образом заставляла и подавляла, а я очень не люблю, когда меня заставляют. Я и в университете учился почти девять лет, потому что вскоре после поступления увидел, что это та же самая школа, только на более высоком витке развития. Особенно при том обилии бессмысленных предметов, которые тогда присутствовали в учебной программе: диалект, истмат, политэкономия социализма и коммунизма, марксистско-ленинская философия, теория и практика партийного советского правительства, и всем этим надо было заниматься. Я перевелся на вечерний и устроился корреспондентом в «МК». Но, начав работать журналистом, неожиданно для себя понял, что мне это занятие нравится. Когда потом я служил на радио, мои же одноклассники ко мне приходили на практику и выглядели полными пентюхами, потому что на факультете учили чему угодно, но только не писать.

- Журналистике вы отдали 22 года, как вы сейчас вспоминаете этот период жизни?

- Это не период, это практика. И первое время мне довольно часто снилось, что я сижу в кресле ведущего, а мне не принесли папку с текстом или нет картинки.

- А как получилось, что вы ушли?

- Более десяти лет назад убили коммерческого директора цирка Мишу Седова. Скорее всего это было заказное убийство, оно до сих пор не раскрыто. И на отца тогда легли дополнительные административные нагрузки, решение финансовых, хозяйственных вопросов. А он по своей натуре никогда не был администратором, поэтому я предложил ему свою помощь и сначала работал бесплатно, а с 1994 года был зачислен в штат цирка на должность заместителя директора. Когда в 1997 году отец умер, то на собрании коллектива большинством голосов руководителем цирка выбрали меня.

- В своей первой профессии вы добились многого: работали на телевидении, были комментатором, обозревателем. Очевидно, могли бы достичь и больших высот, скажем, сидели бы сейчас в кресле Эрнста или Добродеева.

- Нет, никогда бы таких высот на телевидении я не достиг. Для этих должностей нужны совсем другие качества, чем для работы в цирке. Я всю свою жизнь ни через кого не переступил, а там это естественно. Эта работа, так же как политика, предполагает интриганство. А я бы никогда не мог быть политиком или дипломатом, это не моя стезя, мне в ней некомфортно. Я способен дать сдачи, но никогда не ударю первым. Цирк же - это совершенно другой мир, и люди там совершенно другие.

- Вы работали корреспондентом программы «Время», затем были ведущим «Доброго утра», где несколько раз вас отлучали от эфира за

то, что вы рассказывали анекдоты из коллекции Юрия Никулина. Было такое?

- Нет, за это не отстраняли ни разу. Хотя я был первым человеком, который рассказывал в прямом эфире еврейские анекдоты. Причем половина людей считала меня сионистом, а другая - антисемитом. Впрочем, ни те, ни другие правы не были. Отстраняли меня за то, что я несколько раз пытался отстоять свою гражданскую позицию. Помните, в свое время была кампания травли Гдьяна и Иванова. И однажды я пришел в четыре утра к эфиру и обнаружил в своей папке сюжет с визой «Дать обязательно», поэтому не поставить его я не мог. Но после того как он был показан, я дал свой комментарий и сказал, что эту позицию не разделяю.

- Наверное, были и какие-нибудь забавные эпизоды, связанные с ТВ?

- Разумеется. Например, однажды я читаю обзор газет, причем до выхода в эфир просидел час, составляя обзор прессы, и вдруг появляется ощущение дежавю, что это все уже было. Так оно и оказалось, потому что мне по ошибке принесли вчерашние газеты, а я в спешке даже и не посмотрел на проставленные на них даты.

- Вы женаты уже в третий раз, это, наверное, говорит о переменчивости и непостоянстве вашего характера...

- Просто не повезло с первого раза. Кому-то везет сразу же, кому-то с четвертого, кому-то не везет вообще. Брак, как любой проект, может получиться, а может и нет. Люди же все разные. Отцу повезло с первого раза, а у меня сразу же не получилось, но никакой трагедии из этого не делаю.

- А чем занимаются ваши сыновья - Юрий и Максим?

- Старший учится на четвертом курсе Школы-студии МХАТ, менеджерское отделение, и работает администратором в цирке. Он только что поступил на эту должность, посмотрим, что из этого выйдет. Младший в этом году поступил в школу-студию. Кстати, этим летом оба работали в одном из наших шапито и, кажется, заинтересовались цирком.

- Известно, что вы коллекционируете игровых такс, а как возникло у вас такое увлечение?

- Можно сказать, что независимо от моего желания. Несколько лет назад кто-то пустил слух, что я коллекционирую такс. И все сразу же обрадовались, потому что больше никому не надо было ломать голову над вопросом, что дарить Максиму Никулину. И началось: таксы посыпались на меня в неимоверном количестве, так что теперь очень часто я просто не знаю, куда мне их девать, потому что часто подаренные таксы повторяются по третьему или четвертому разу. Недавно узнал, что вице-президент компании Майкрософт коллекционирует такс, и теперь думаю, а не спиться ли с ним.

Александр СЛАВУЦКИЙ.

Коллекционировать такс - это жесть!
Ю. Никулин

Ю. Никулин